

УДК 81'373.21:903

doi 10.17072/2219-3111-2019-1-87-94

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Ю. А. Шкураток

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
shkuratok@mail.ru

Рассматриваются принципы работы с топонимическими данными в статьях по истории Пермского края, в частности, опубликованных за последние годы в журнале «Вестник Пермского университета. История». В исторических работах нередко применяются собственно лингвистические подходы: метод этимологического анализа и методы топонимических исследований. При работе с литературой по топонимике цитируются те статьи и монографии, выводы которых совпадают с идеями автора, и игнорируются те, которые им противоречат, при этом научная значимость и обоснованность результатов не учитываются. В качестве доказательства своих гипотез иногда используются случайные или непроверенные языковые факты. Некоторые лингвистические понятия в работах по истории Верхнего и Среднего Прикамья применяются не вполне корректно. Термин «угры» используется для периода, когда угорское праязыковое единство уже распалось (это событие датируется не позже середины I тыс. до н. э.), поэтому в данном случае правильно говорить о конкретных языках угорской группы, связанных общим происхождением. Топонимические исследования отличаются сложной методологией, которая требует привлечения большого количества материала, его четкой классификации, проведения полевых исследований, а также знания исследуемых языков-источников и их исторической фонетики и грамматики. Использование лингвистических, в частности, топонимических, доказательств, таким образом, требует от историка значительных усилий по освоению методологических приемов чужой области знания. Выходом из сложившейся ситуации видится в дальнейшем более активное плодотворное сотрудничество историков и специализирующихся на изучении топонимии региона лингвистов.

Ключевые слова: методология топонимики, топонимика, Пермский край, Верхнее и Среднее Прикамье, угорская гипотеза.

При чтении статей, опубликованных в издании «Вестник Пермского университета. История», невозможно не обратить внимания на активный интерес ученых, занимающихся историей Пермского края, к одному из разделов лингвистики – ономастике – и к ее подразделу – топонимике. В последние годы к ним обращались многие авторы [Белавин, Иванов, 2011; Мельничук, Чагин, 2010; Корчагин, Лобанова, 2012; Корчагин, 2013; Корчагин, Черепанова, 2014; Мельничук, Чагин, 2015].

Историки, как правило, прибегают к лингвистическим сведениям для доказательства собственных гипотез, например, в работах П. А. Корчагина топонимические (и антопонимические) свидетельства используются в ходе размышлений, например, о названиях рек как о своеобразных «вербальных логиях». Топонимические данные фигурируют в качестве основного доказательства наличия или отсутствия в Верхнем и Среднем Прикамье «угорского» населения в древности и средневековье.

Работы, выполненные в смежных дисциплинах, вызывают закономерную настороженность. Прежде всего возникает вопрос о том, насколько при междисциплинарном подходе соблюдаются чуждые принципы исследования, в данном случае этимологические и собственно топонимические?

Этимология – раздел языкознания, наука о происхождении слов. Эта отрасль лингвистики чаще всего привлекает внимание неспециалистов, тогда как ее методологические основы, принципы анализа и результаты далеко не очевидны даже людям, имеющим филологическое образование. Этимологический словарь, с которым чаще всего сталкиваются все интересующиеся происхождением и историей слов, содержит лишь краткую запись: материал для сопоставления и выводы, изредка сопровождаемые комментариями «вопреки Брюкнеру», «невозможно по фонетическим причинам» и т. п. «Расшифровать» запись и понять, почему это «невозможно», под силу только специалисту по исторической фонетике данного языка. Всем остальным остается только полагаться на

то, что работа по установлению происхождения слова этимологом выполнена добросовестно и этим результатам стоит доверять.

Краткость записи, отсутствие описания этапов анализа создают устойчивое и вместе с тем неверное впечатление: работа этимолога несложная, ей может заняться любой, достаточно только найти слово, похожее на изучаемое. Это заблуждение породило явление, которому академик РАН А. А. Зализняк посвятил научно-популярную книгу «Заметки о любительской лингвистике» [Зализняк, 2010].

Тем, кто занимается этимологическим анализом профессионально, очевидно, что его целью является не обнаружение слова, по фонетическому облику похожего на исследуемое, а доказательство того, что обнаруженный этимон (слово, от которого было образовано исследуемое) является верным и, по возможности, единственно верным. Само по себе сходство фонетического облика двух слов в этимологии не служит доказательством их родства. Более того, общеизвестно, что большое количество слов, одинаково звучащих в разных языках (например, *Галина* и испанское *gallina*), а тем более корней, длина которых не превышает трех-пяти фонем, не являются родственными и их одинаковое звучание случайно. А. А. Зализняк показывает на примерах, что фонемный состав любого языка не превышает нескольких десятков фонем и количество их комбинаций, включающих гласную фонему, ограничено. Это приводит к неизбежным совпадениям [Там же, с. 11]. Что касается этимологизации топонимов, то вероятность получения случайного результата увеличивается многократно, так как мы не знаем ни значения «темных» субстратных топонимов, ни того, каков был их фонетический облик при возникновении. Возможность достижения искомым результатов прекрасно продемонстрировал В. В. Напольских, в шутку «выведя» целый ряд топонимов Удмуртии из китайского языка и показав наличие «китайского пласта» в топонимии этого региона [Напольских, 2015, с. 231–232].

Таким образом, топонимические исследования требуют неукоснительного соблюдения методологических принципов этой дисциплины, и только в этом случае полученные результаты могут быть признаны научно значимыми. К сожалению, в ряде работ, касающихся истории Верхнего и Среднего Прикамья, содержатся ошибки, связанные с непониманием основ топонимического анализа и приведшие к получению неверных выводов. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

В статье «Тематический слой “водно-волоковые пути” портала «Историко-культурное наследие Пермского края: особенности создания и возможности анализа методами геоинформационных технологий» П. А. Корчагин с соавтором Е. С. Черепановой пишет о существовавших на указанной территории волоков и доказывает, по всей видимости, свою (а не соавтора-географа) идею: «По нашим наблюдениям, многие названия Русского Севера и Урала, оставленные финно-угорскими народами, складываются в систему, которую можно назвать “вербальной лоцией”» [Корчагин, Черепанова, 2014, с. 18–19].

Чтобы доказать свою гипотезу, автор делает попытку этимологизировать некоторые топонимы: «Река Серебрянка (реже называемая Серебряная), по течению которой Ермак двигался на “Тагильский волок”, естественно, не была так названа самим атаманом, как предполагал И. Г. Георги, из-за “серебристой прозрачности воды”, как посчитал Г. Ф. Миллер [Матвеев, 2008, с. 246]. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с русским переосмыслением древнего финноязычного названия, следы которого сохранились в саамском языке: “СЁББРЭ II, 1 пристать, присоединиться к кому-чему, примкнуть к кому...”» [Корчагин, Черепанова, 2014, с. 19].

Проверим, насколько обоснованна эта версия, последовательно задав несколько закономерных вопросов.

1. В каком конкретном языке возникло это название и в какое время? В работе присутствует ссылка на «Саамско-русский словарь» выпуска 1985 г., но следов саамов в бассейне реки Чусовой не обнаружено, поэтому рассматривать современное саамское слово в качестве источника происхождения названия *Серебрянка* мы не можем. Если это «древнее финноязычное название» (правда, не ясно, что имеется в виду), то необходимо восстановить праформу соответствующего периода. К тому же вызывает удивление, почему известному специалисту по древней финно-угорской топонимии А. К. Матвееву, много лет занимавшемуся в том числе саамской топонимией, не пришлось в голову сравнить название *Серебрянка* с саамским глаголом?

2. Как было образовано это «древнее финноязычное название»?

3. Какое значение это название имело? Существует ли подобная модель? В русской микропонимии известны названия мест на берегу, лугов, деревень, образованные от народных географических терминов: *исада* 'часть берега реки, удобная для причаливания лодок', *присада* 'низкий берег, образованный прибитым рекой песком, почвой' (и др. значения) [Полякова, 2007, с. 145, 307]. Появление названия места на берегу реки со значением 'часть берега, к которой можно пристать' вполне логично, но насколько вероятно, что появится гидроним со значением 'река, к берегу которой можно пристать'?

4. Как объяснить фонетические различия приведенного глагола и названия реки *Серебрянка*?

В этой версии название «Серебрянка» является собой некое «древнее финноязычное название», праформа которого не восстановлена, для сопоставления приведен современный саамский глагол. Модель образования топонима нам видится нелогичной, и фонетическое отличие от найденного саамского глагола тоже не объясняется.

Рассмотрим версию происхождения названия *Серебрянка*, представленную в словаре А. К. Матвеева.

1). Могли ли в русском языке возникнуть названия *Серебряная*, *Серебрянка*? Да, при смене населения часто появляются новые названия для небольших рек.

2). Могло ли название *Серебряная* произойти от имени прилагательного *серебряная*, а в дальнейшем превратиться в *Серебрянка* путем присоединения распространенного топонимического суффикса *-к-*? Да, никаких возражений не может быть.

3). Образуются ли в русском языке названия рек по цвету воды? Да.

4). Есть ли фонетические возражения? Нет.

Таким образом, в данном случае мы можем признать объяснение А. К. Матвеева убедительным и научно обоснованным.

Продолжая размышлять над гипотезой происхождения названия *Серебрянка*, П. А. Корчагин также пишет: «Подобная этимология подтверждается и данными "Топонимического словаря Коми...": «Сабреймусгор, гр. Южнее возв. Лыдмусюр. Наименование свое получила по ненецкому названию р. Усы – Сабрейяга: коми мусюр “гора, водораздел”. Сабреймусюр “возвышенность возле р. Сабрейяга” [Топонимический словарь Коми, 1986, с. 100]. Таким образом, гидронимы *Серебряная*, *Серебрянка*, *Себра*, *Себренька*, *Сабренька*, *Сабридзь*, *Сабровка* относятся к одному топонимическому ряду и характеризуют конечные отрезки водных маршрутов, непосредственно примыкающие к их сухопутным участкам» [Корчагин, Черепанова, 2014, с. 19]. Не очень понятно, с какой целью приводится эта информация, к тому же ненецкий язык относится не к финно-угорской, а к самодийской ветви уральских языков.

Отметим также, что оперировать понятием «топонимический ряд», в который входят произвольно собранные топонимы, содержащие хотя бы одну общую букву (а иногда и ни одной), недопустимо. (При серьезных топонимических исследованиях важным источником материала являются не карты, а полевые исследования, позволяющие зафиксировать и звучание топонима в речи носителей языка, и ударение, что тоже является немаловажным при проведении этимологического анализа.) Приведем из рассматриваемой статьи пример такого «топонимического ряда»: «Поэтому нами картографируется весь топонимический ряд: Ухта, Ухтым, Ухтома, Ухтомка, Ухтомица, Охта, Охтома, Охтомица, Великая Охта (Вохта), Малая Вохта, Вохма, Вохтома, Вохтомица, Уква, Вуква, Укта, Уктым (Угдым), Окта, Октым, Октом, Вуктым, Вуктыл, Ыктыл (Иктыль), Вонтым (из Воктым), озера Оквад, Воквад, Аквад» [Корчагин, Черепанова 2014, с. 19]. В этой же работе мы встречаем еще несколько таких «топонимических рядов», например, в один «ряд» включены названия *Чусовая*, *Чус*, *Частая*, *Частва*, *Чесноковка* [Там же, с. 20]. Этот «топонимический ряд» представляет собой несколько, по всей видимости, финно-угорских и русских наименований; в названии *Чесноковка*, например, легко угадывается простое русское слово *чеснок*. В «Словаре пермских фамилий» мы находим подтверждение существования в данном регионе соответствующего антропонима: «Крестьянин д. Лимеж на р. Лимеже Ивашко Федоров сын Чесноков, 1623. КЧ, 89 об.; Крестьянин Афанасьев сын Чесноков, 1647. Е, 104 <...> Фамилия от прозвища *Чеснок* из слова *чеснок*, имевшего разные значения: 'пряное растение', 'частокол, палисадник; пни, стулья под избу', 'толчок, пинок, подзатыльник'» [Полякова, 2005, с. 418–419].

Скорее всего, данная этимология и «топонимические ряды» были нужны автору, чтобы обосновать идею об отражении «водно-волоковой» лексики в топонимии, при этом лингвистическая достоверность этой идеи не подвергается проверке.

Подобное же невнимание к лингвистической составляющей исследования мы видим и в работах по «угорской» проблеме в Прикамье. Не имея целью поддержать одну из сторон научной дискуссии, проанализируем только, как привлекаются для обоснования своей точки зрения топонимические доказательства. При чтении монографии «Угры Предуралья в древности и средние века», в том числе ее главы «Угры в Предуралье по данным ономастических и письменных источников», которая стала предметом полемики на страницах журнала «Вестник Пермского университета. История», не можем не обратить внимания на тенденциозность в отборе источников. В качестве доказательства угорской составляющей древнего населения Прикамья приводятся статья А. Каннисто (1927 г.), топонимические работы 1960-х гг. Можно встретить суждение, свидетельствующее об отборе «нужного» топонимического материала: «И хотя идеи Каннисто о названиях на “-я” подвергаются критике со стороны А. К. Матвеева и В. В. Напольских, необходимо отметить, что для территории Предуралья его выводы не отвергаются большинством лингвистов» [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 5]. Не очень понятно, кто является «большинством лингвистов», так как и А. С. Кривошекова-Гантман писала о названиях на -я в следующем ключе: «Из сказанного видно, что многие официальные гидронимы на -я в Верхнем Прикамье имеют пермское, в частности коми, происхождение, и окончание -я появилось у них в результате приспособления к угорской или, позднее, русской гидронимическим системам. Этот вывод хорошо подтверждают названия на -ю, сохранившиеся на территории Коми АССР, а также произношение их коми-пермяками» [Кривошекова-Гантман, 1983, с. 21]. В последние десятилетия системным исследованием субстратной топонимии данной территории больше никто не занимался, поэтому, кто является «большинством лингвистов», для нас так и осталось загадкой.

То же самое читаем и в другой статье: «Не желая более спорить о наличии на Европейской части России угорской топонимии, о которой пишут многие исследователи [см.: Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 10–11], а отрицают этот факт только А. К. Матвеев и В. В. Напольских, мы рискуем напомнить один методологический принцип топонимиста – наличие топонимов, образованных в языке тех или иных народов, указывает на присутствие этих народов на исследуемой территории для определенного времени их пребывания на ней, а вот отсутствие таких топонимов не свидетельствуют о том, что эти народы на исследуемой территории никогда не проживали» [Белавин, Иванов, 2011, с. 176]. Вызывает большое удивление, почему из «множества работ» нужно исключить работы известного финно-угроведа, основателя уральской топонимической школы, члена-корреспондента РАН А. К. Матвеева и работы финно-угроведа, члена-корреспондента РАН В. В. Напольских?

В работах сторонников «угорской» гипотезы из научных публикаций целенаправленно отбираются соответствующие искомому тезису о былом широком распространении угров на территории Прикамья и игнорируются ему противоречащие: «С указанными венгерскими словами А. К. Матвеев этимологически увязывает "характерные только для Предуралья" названия рек Бизь, Пизь, Бизяр, Бизярка, делая вывод о былом обитании в Предуралье некоего протомадьярского населения [Матвеев, 1968, с. 144]. Как о протомадьярском гидронимическом типе он пишет о западноуральских топонимах на -ер, -ера (Печера, Бисер, Бисера, Вишера) и соотносимых с ними названиях на -ерть (Бисерть, Кишерть) [Там же]. Позже А. К. Матвеев, не отбросив мадьярской версии, предложил коми версию происхождения подобных названий, но сам ее и отверг» [Белавин, Иванов, 2011, с. 174–175].

Между тем А. К. Матвеев в 1970-е гг. провел целый ряд экспедиций в районы кочевий уральских манси, записал от носителей языка бесценный материал, собрать подобный сейчас уже невозможно. По результатам этих исследований А. К. Матвеев делает выводы, которые нельзя трактовать двусмысленно: «Таким образом, мнение, что манси занимали обширные территории к западу от мест их современного расселения на Северном Урале, не подтверждается изучением такого важного лингвоэтнического источника, как топонимия. Проникновение манси на западный склон Северного Урала, засвидетельствованное русскими документами позднего средневековья, носило временный и локальный характер и не привело к прочному освоению этих земель. Совсем иное дело – наличие коми топонимии на восточном склоне Урала» [Матвеев, 2006, с. 244]. На сегодня

другого такого системного исследования мансийской топонимии Северного Урала нет, и приведенная точка зрения является наиболее обоснованной. Ссылки же на эту работу как противоречащую основной идее о широком былом расселении манси отсутствуют.

Вместе с тем труды А. К. Матвеева могли бы быть предметом пристального внимания для сторонников угорской гипотезы. Считая, что Северный Урал стал естественной границей между коми-пермяками с запада и манси с востока, А. К. Матвеев размышляет о «темных» парных названиях, которые не могут быть объяснены ни из того, ни из другого языка. Он пишет о таких названиях, как Вёлс – Пелас, Висер – Пасар, и приходит к выводу: «...Откуда произведено это заимствование, сказать пока трудно, хотя и возможно, что источник – финно-угорский, или – еще шире – уральский» [Матвеев, 2006, с. 245]. По его мнению, «коми-мансийские языковые контакты в области топонимии были сложными, к тому же на формирование топонимов оказывали влияние и какие-то другие этнические моменты» [Там же].

Более того, сторонники «угорской» гипотезы могли опереться и на взгляды В. В. Напольских. В частности, справедливо замечая, что «на сегодняшний день никаких следов топонимии праугорского происхождения (более древней, чем мансийская) в Восточной Европе не обнаружено», он в то же время констатирует, что, «к сожалению, топонимия Прикамья и Среднего Поволжья практически не изучена. Почти все, что продуцируют местные авторы, позиционирующие себя в этой сфере, настолько плохо, что только запутывает дело и никак не может быть использовано в палеоисторических штудиях» [Напольских, 2015, с. 208, с. 246]. В своих статьях В. В. Напольских не столько критикует «угорскую» гипотезу, сколько обосновывает свое мнение о том, что те доказательства, которые сегодня приводятся в ее защиту, не соответствуют современной методологии топонимических исследований. В течение более десяти лет не вышло ни одной крупной работы о субстратных топонимах Верхнего и Среднего Прикамья, многие названия территории современного Пермского края до сих пор остаются «темными».

Одной из регулярно цитируемых в исторических исследованиях по «угорской» проблеме является статья Л. М. Майдановой «Ареалы финно-угорской этнонимии Урала» [Майданова, 1962]. На нее ссылается в статье «Венгерские элементы в топонимах Башкирии» Г. Дьёни: «Угры некогда жили не только в Западной Сибири, но и на Западном Урале. Целый ряд угорских топонимов концентрируется между реками Сылва, Чусовая <...>, Тагил. В преданиях местного русского населения здесь еще сохранилась память о прежнем пребывании угров [см.: Майданова, 1962: 27]» [Дьёни, 2008, с. 39]. Подобные построения вызывают сразу несколько возражений. Во-первых, статья Л. М. Майдановой, в которой рассматриваются такие названия, как Пермьяки, Зырянова, Вотяки, Вогулка и др., может лишь пролить свет на ареалы расселения носителей финно-угорских языков к началу русской колонизации Урала, но не может быть принята в качестве веского доказательства существования на этих территориях угров до указанного периода. Во-вторых, этноним «вогулка», лежащий в основе топонимов, относится к хорошо известным по письменным источникам манси и не может быть перенесен на правенгров.

Эта цитата позволяет увидеть еще одну проблему использования лингвистических терминов в исторических исследованиях: для лингвиста очевидно, что топоним возникает в определенное время в конкретном языке, а слово «угры» как в работах сторонников «угорской» гипотезы, так, впрочем, и в части статей ее оппонентов лишено какой-либо привязки к языку-источнику. Этот недочет хорошо сформулирован в работах В. В. Напольских: «Если же речь идет о времени, когда угорское праязыковое единство уже распалось (произошло это никак не позже середины I тыс. до н.э.), название угры означает только общность этнических групп, объединяемую исключительно родством их языков. Поэтому, употребляя в этноисторических построениях слово угры применительно ко времени конца I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. (то есть – к периоду заведомо после распада праугорского единства), исследователь независимо от его личных интенций должен понимать, что он пользуется лингвистическим термином, вынося, таким образом, суждение в первую очередь и только о языке древнего населения (относя этот язык к угорской группе)» [Напольских, 2015, с. 237]. В работах же сторонников «угорской» концепции «угры», как правило, рассматриваются как некое единство, а в ответ на критику своей концепции, например, может быть дан такой ответ: «Основной пафос рецензии состоит в том, чтобы доказать, что все сведения об уграх (любых уграх – вогулах, остяках, югре, мадьярах, каких-либо иных, не названных в источниках, но уловимых археологически и с учетом топонимики) в Пермском Предуралье, западнее Уральских предгорий и

Камы, являются нелепыми, основанными на разновременных ошибках различных авторов, которые мы, собрав воедино, пытаемся рассматривать как некий факт» [Белавин, Иванов, 2011, с. 15]. Но методология топонимических исследований не позволяет найти «любых угров» и рассматривать их как «некий факт», мы можем найти ареалы «сгущения» топонимии конкретного (!) языка угорской группы, так как в средневековье никакого единого «угорского» языка уже не существовало, и при этимологизировании названий мы должны обязательно учитывать накопившиеся фонетические и лексические расхождения между языками.

Размышляя над методами топонимики, А. К. Матвеев подчеркивает, что «при исследовании топонимии, восходящей к вымершим языкам, в первую очередь нужно исходить не из общих (нелингвистических) соображений, а из самого топонимического материала, рассматривая его как *систему* (курсив наш. – Ю. Ш.) и таким образом осуществляя чисто лингвистическое исследование <...>, очевидно, что такой подход к фактам требует массового сбора материала, его четкой каталогизации и классификации, а также разработки таких методов исследования, которые помогли бы преодолеть этимологический дилетантизм, основанный на произвольно выбранных схемах» [Матвеев, 2006, с. 10]. Случайно отобранные из тысяч топонимов Пермского края отдельные названия могут при особом желании автора не только служить доказательством наличия «любых угров», но и быть «переведены» с любого языка мира. К сожалению, «грузинские», «таджикские», «балтийские» и прочие топонимы на территории Прикамья встречаются и в научных публикациях. Поэтому доказательство существования каких-либо носителей угорских языков должно опираться на массовый сбор материала и его этимологизацию. И только при обнаружении «сгущения» топонимов на конкретном ограниченном ареале, которые можно интерпретировать как принадлежащие к определенному (!) языку угорской группы (либо доказать, что они относятся к вымершему языку этой же группы, и показать, какие фонетические отличия от других языков этот вымерший язык характеризовали), можно говорить о каких-либо «уграх» на территории Верхнего и Среднего Прикамья, но не о «любых уграх».

Подводя итоги этого небольшого обзора работ в журнале «Вестник Пермского университета. История», в той или иной степени касающихся топонимии Прикамья, сделаем некоторые выводы.

1. Всякая наука требует тщательного углубления в ее принципы и методы, и топонимика не является исключением. Ее методология предполагает системный сбор материала, знание языков и их истории, принципов номинации и многого другого, без чего полученные выводы не могут быть признаны научными.

2. При работе со смежными научными областями видится более оправданным отбор не работ, являющихся более подходящими для обоснования собственных идей, а работ, являющихся более убедительными. В ходе изучения топонимии Прикамья нельзя, например, игнорировать работы А. К. Матвеева и критические отзывы В. В. Напольских.

3. Междисциплинарный характер работы по восстановлению этнического прошлого предполагает плодотворное сотрудничество лингвистов и историков. И только при таком подходе можно получить научно значимое описание исследуемой территории.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 17-14-59602.

Библиографический список

- Белавин А. М., Иванов В. А. К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // Вестник Пермского университета. История. 2011. Вып. 1 (15). С. 173–180.
- Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд-во Башкир. гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы, 2009. 285 с.
- Дьёни Г. Венгерские элементы в топонимии Башкирии // Вопросы ономастики. Екатеринбург: Б.и., 2008. Вып. 5. С. 36–48.
- Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мирь; ОАО «Московские учебники», 2010. 240 с.
- Корчагин П. А. Очерки ранней истории Перми Великой: ойконимические основания // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 3 (23). С. 95–104.
- Корчагин П. А., Лобанова А. С. Очерки ранней истории Перми Великой: водно-волоковые пути

- // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1 (18). С. 121–134.
- Корчагин П. А., Черепанова Е. С. Тематический слой «Водно-волоковые пути» портала «Историко-культурное наследие Пермского края»: особенности создания и возможности анализа методами геоинформационных технологий // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 4 (27). С. 15–23.
- Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1983. 174 с.
- Майданова Л. М. Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // Вопросы топонимистики. Свердловск: Б.и., 1962. С. 22–32.
- Матвеев А. К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.
- Мельничук А. Ф., Чагин Г. Н. Взгляды В. А. Оборина на этногенез коми-пермяцкого народа и современное состояние его изучения // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 3 (30). С. 228–233.
- Мельничук А. Ф., Чагин Г. Н. Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 2. С. 140–153.
- Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость», 2015. 648 с.
- Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Б.и., 2007. 420 с.
- Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 462 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 30.01.2018

ABOUT TOPONYMIC DATA IN HISTORICAL RESEARCH

Iu. A. Shkuratok

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
shkuratok@mail.ru

The article deals with the principles of working with toponymic data in the articles on the history of the Perm krai, published recently in the journal “Perm University Herald. History” in particular. Certain means and methods of linguistic research are used in historical studies: for example, attempts are made to give an etymological interpretation, toponyms are combined into “toponymic series”, etc. The analysis shows that the monographs and articles on toponymy that fit into the concept presented are often selected, but the authors ignore those research that contradict it; the scientific significance of the work and the validity of certain concepts are not taken into account. As toponymic evidence, random and unchecked facts are sometimes used. In some cases, linguistic terms are transferred into historical research. For example, “Ugrians” (Rus. угры) are used in certain contexts in relation to certain historical periods though, during those periods, the Ugric proto-linguistic unity has already diverged (this event dates back not later than to the middle of the 1st millennium BC). Therefore, in this case, we need to talk about the specific languages which share a common origin of the Ugric group. Thus, the use of linguistic and toponymic information in particular becomes a difficult task and requires considerable efforts from the historian to develop a solid background in a foreign field of knowledge. The solution to the current situation might be beneficial cooperation between historians and linguists who are deeply involved in the studies on toponymy of the region.

Key words: methodology in toponymic studies, toponymic studies, Perm krai, Upper and Middle Kama region, Ugric hypothesis.

References

- Belavin, A.M., Ivanov, V. A. & N.B. Krylasova (2009), *Ugry Predural'ya v drevnosti i srednie veka* [Ural Ugric peoples in the Ancient and Middle Ages], Izd-vo Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully, Ufa, Russia, 285 p.
- Belavin, A.M. & V.A. Ivanov (2011), “On understanding existence of the Ugric problem in the Kama Region and the Cis-Ural Region”, *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*, vol. 1 (15), pp. 173–180.
- Dyeni, G. (2008), “Hungarian Elements in Toponymy of Bashkiria”, *Voprosy onomastiki*, vol. 5, pp. 36–48.
- Korchagin, P.A. (2013), “Essays on Great Perm's Early History: oikonymic grounds”, *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*, vol. 3 (23), pp. 95–104.
- Korchagin, P.A. & E.S. Cherepanova (2014), “Thematic layer “Water-portage ways” of the GIS “Historical and cultural heritage of Perm Region”: feature and possibility of analysis by the methods of the GIS technologies”,

- Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, vol. 4 (27), pp. 15–23.
- Korchagin, P.A. & A.S. Lobanova (2012), “Sketches on the Early History of Perm the Great: Water-Log Paths”, *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*. 2012, vol. 1 (18), pp. 121–134.
- Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1983), *Geograficheskie nazvaniya Verkhnego Prikam'ya* [Geographical names of the Upper Kama region], Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, Perm', Russia, 174 p.
- Maydanova, L.M. (1962), “Areas of the Finno-Ugric ethnonym of the Urals”, *Voprosy toponomastiki*, pp. 22–32.
- Matveev, A.K. (2006), *Onomatologiya* [Onomatology], Nauka, Moscow, Russia, 292 p.
- Melnichuk, A.F. & G.N. Chagin (2010), “The Current State of «Ugric» Concept in the Light of Written and Onomastic Sources of Perm Region”, *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*, vol. 2, pp. 140–153.
- Melnichuk, A.F. & G.N. Chagin (2015), “Views of Vladimir Oborin on the ethnogenesis of Komi Perm people and current status of its studies”, *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*, vol. 3 (30), pp. 228–233.
- Napol'skikh, V.V. (2015), *Ocherki po etnicheskoi istorii* [Essays on ethnic history], Kazanskaya nedvizhimost', Kazan, Russia, 648 p.
- Polyakova, E.N. (2007), *Slovar' geograficheskikh terminov v russkoy rechi Permskogo kraja* [Dictionary of geographical terms in the Russian speech of the Perm Krai], Permskiy universitet, Perm, Russia, 420 p.
- Polyakova, E.N. (2005), *Slovar' permskikh family* [Dictionary of Perm surnames], Knizhnyy mir, Perm, Russia, 462 p.
- Zaliznyak, A.A. (2010), *Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike* [From notes on amateur linguistics], Russkiy Mir; OAO «Moskovskie uchebniki», Moscow, Russia, 240 p.